FORVM GEOPOLITICA
Independent Commentary on a Fractured World

Переломный момент для Европейского союза

«Поддержка Брюсселя превратилась скорее в идеологический культ, чем в политический проект», — пишет Аластер Крук.

Аластер Крук

втр 17 ноя 2026 8 мин. чтения

Начало переговоров США с представителями России и Украины в Абу-Даби окончательно поставило Евросоюз перед фундаментальным противоречием, угрожающим самому его существованию, — противоречием, разрешение которого больше нельзя откладывать. Европейский союз как политическая конструкция изначально был американским проектом, созданным для достижения определённых целей.

Но если США теперь отвернулись от своего ставленника именно в тот момент, когда тот оказался на грани прямого вооружённого столкновения с Россией, то какова в таком случае стратегия Евросоюза в отношении Украины? Предложить внятную стратегию он не способен. Неужели ЕС намерен и дальше безоговорочно поддерживать максималистские требования Зеленского?

Евросоюз так и не предложил никакого решения, ограничившись лишь требованиями к России отступить от своих позиций и согласиться на прекращение огня по линии боевого соприкосновения.

Это переломный момент, поскольку неспособность Евросоюза эффективно функционировать стала очевидной как никогда. Даже его американский «богатый покровитель» пребывает в отчаянии, а Россия уже открыто демонстрирует своё пренебрежительное отношение к ЕС, что всего несколько дней назад недвусмысленно дал понять министр иностранных дел Сергей Лавров:

> «Переговоры по предложению американских посредников сосредоточены на обсуждении параметров будущей архитектуры безопасности для Украины, России и всего нашего региона. Или, можно сказать, европейской безопасности. Это принципиальный момент, поскольку всё, что мы сейчас слышим из Брюсселя и других столиц стран ЕС, сводится к требованию немедленного прекращения огня… Фон дер Ляйен заявила, что обсуждение параметров архитектуры безопасности невозможно до установления устойчивого перемирия. Это всё та же старая логика. Они считают абсолютно необходимым «выиграть время» для своих «подопечных» — киевского режима — и использовать его для восстановления его военного потенциала. Мы на это не согласимся… Она заявила, что сначала должно быть достигнуто перемирие, а уже затем можно обсуждать архитектуру безопасности. Между тем другой представитель брюссельской бюрократии заявил, что Евросоюз не допустит урегулирования, учитывающего интересы Российской Федерации. Этим, по сути, всё сказано.»

Проект Евросоюза, основанный на идее единого атлантического мира, никогда не был воплощением утопического идеала общей западной цивилизации, миф о которой его окружал. С самого начала в его основе лежала прагматичная политика, продиктованная реальными интересами и расстановкой сил (Realpolitik).

Институциональная структура Евросоюза служила вполне определённым целям закулисной политики Вашингтона. Она была призвана обеспечить сохранение американского господства в послевоенной Европе, закрепить центристские политические силы в качестве неизменной основы европейского статус-кво, не допустить советского влияния и гарантировать, что положительное сальдо торгового баланса европейских стран будет направляться на финансирование американского дефицита. Иными словами, речь шла о перераспределении европейских торговых излишков в пользу финансовой системы США и сохранении гегемонии доллара.

Короче говоря, это был сугубо меркантильный проект, прикрытый либеральной риторикой и служивший инструментом США в соперничестве великих держав за сохранение своего господствующего положения. Финансовый механизм был прост: правящая европейская элита и её приближённые извлекали выгоду из коррупционных схем, порождённых картельной структурой ЕС (основой которой первоначально стало объединение угольной и сталелитейной промышленности), а также получали высокооплачиваемые должности в европейских институтах. Однако всё это предоставлялось при одном условии: получатели этих привилегий должны были сохранять лояльность Соединённым Штатам и следовать их внешнеполитическому курсу.

Однако при администрации Трампа американская оборонная доктрина изменилась, и трёхсторонние переговоры в Абу-Даби на этой неделе наглядно продемонстрировали, насколько Евросоюз теперь утратил своё значение для интересов США. Есть ли у руководства ЕС стратегия на случай такого изменения американских подходов к безопасности, предполагающего превращение Западного полушария в своеобразную крепость? Нет.

Однако изменение американской доктрины безопасности — далеко не единственный фактор, определяющий переломный момент, переживаемый Евросоюзом. ЕС, возможно, приближается к критической точке или, что даже более вероятно, вступает в начальную стадию постепенного распада. Он больше не является полезным вассалом для США. Напротив, теперь он становится помехой. Соединённые Штаты, главным образом из-за ограниченных запасов боеприпасов, перешли к восприятию мира через призму соперничества великих держав, в котором «средние державы» рассматриваются лишь как зависимые попутчики, по сути не имеющие особого значения.

Как мы пришли к этому? Исследование архивных документов, относящихся к периоду администрации Буша (1990–1992 годы), показывает, что американские чиновники рассматривали расширение на восток с позиций реальной политики

(Realpolitik) — как инструмент сохранения господства США и сдерживания потенциальных соперников. Причём речь шла не только о Советском Союзе, но и о возможных конкурентах в Западной Европе, в частности о формировании самостоятельной европейской системы безопасности под руководством Франции и Германии. Однако к 1997 году Евросоюз уступил давлению и согласился начать переговоры о вступлении с первой группой стран-кандидатов из Центральной и Восточной Европы.

Тем не менее общепринятая трактовка по-прежнему сводится к тому, что расширение ЕС представляло собой технократический процесс под руководством Европейской комиссии, от которого США лишь случайно извлекли выгоду. Однако, будучи в то время членом команды Хавьера Соланы, Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности, я наблюдал иную картину: Вашингтон прекрасно осознавал политические выгоды от вступления восточноевропейских стран в Евросоюз и активно использовал рычаги влияния в двусторонних отношениях, чтобы ускорить этот процесс. В результате внешнеполитические структуры ЕС стали свидетелями того, как расширение, которым они должны были управлять, подрывало их собственную значимость.

Высказывание министра обороны США Дональда Рамсфелда, сделанное в 2003 году в беседе с журналистом, наглядно отражает изменение американского подхода к Европе: «Вы воспринимаете Европу как Германию и Францию. Я — нет. Для меня это старая Европа… Есть и новая Европа». Эти слова прозвучали на фоне отказа тогдашнего президента Франции Жака Ширака поддержать стремление президента США Джорджа Буша начать войну в Ираке.

Госсекретарь США Колин Пауэлл прямо предупредил, что Францию ждут «последствия» за её несогласие с войной. Позднее, уже в другом дипломатическом контексте, тогдашний госсекретарь Кондолиза Райс, как сообщается, заявила французским официальным лицам: «Мы заплатили за нашу победу собственной кровью и огромными средствами… Вы нам не нужны», отвергнув предложения Франции о сотрудничестве в Ираке после вторжения.

Судя по всему, к 2004 году Франция уступила давлению, а президент Жак Ширак заметно смягчил свою позицию, признав вторжение в Ирак свершившимся фактом (*fait accompli*) и назвав отстранение Саддама Хусейна от власти «позитивным шагом».

По сути, кризис 2003 года, связанный с войной в Ираке, фактически положил конец Евросоюзу как единому политическому проекту. А события минувшей недели в Абу-Даби, где европейские представители отчаянно пытались без приглашения

пробиться на трёхсторонние переговоры, превратили претензии ЕС на роль серьёзного геополитического игрока в настоящий фарс. Сегодня Евросоюз пожинает плоды кризиса 2003 года.

Евросоюз больше не является полезным вассалом (если не считать выделения финансовой помощи Зеленскому).

Возможно, Вашингтон начинает осознавать, что урегулирование украинского конфликта невозможно без предварительного решения вопроса об архитектуре безопасности Евразии. В конечном счёте этот вопрос может быть решён только тремя великими державами — США, Россией и Китаем. Остальным, менее влиятельным государствам придётся принять выработанные ими условия.

Прежняя проатлантическая модель попросту перестала работать. Попытки Европы дистанцироваться от Трампа в вопросе Украины, подыгрывая сторонникам жёсткого военного курса в Конгрессе США и глубоко укоренившимся русофобским настроениям в состоятельных слоях американского общества, вовсе не освобождают Европу от зависимости от Вашингтона. Напротив, они служат американским интересам. Ведь именно Европа берёт на себя финансовые издержки и политические риски, выступая в роли расходного инструмента в стратегии ослабления России. Но какую выгоду от этого получает сама Европа? Скрытые экономические издержки вполне очевидны, а вот потенциальные преимущества — далеко нет.

Однако этим последствия того, что в 2003 году Евросоюз позволил США переиграть себя, используя рычаги влияния в двусторонних отношениях с европейскими странами, далеко не исчерпываются. Уже тогда ЕС фактически оказался отстранён от принятия решений, поскольку Соединённые Штаты действовали в Ираке в соответствии со стратегической концепцией, основанной на директивах Нетаньяху, которую Евросоюз в целом не понимал и не принимал.

Однако в отношении европейского проекта США руководствовались не только геостратегической, но и стратегической экономической концепцией: Европа должна была перенять американскую неолиберальную технократическую модель. В основе этой модели лежала прежде всего теория преобразования государства таким образом, чтобы обеспечить успешное функционирование рынка и процветание его ключевых участников — современных корпораций.

Согласно этой теории, всё, что требовалось от государства, — создать благоприятные условия для бизнеса (низкие налоги и минимальное регулирование), а дальше предпринимательская инициатива и рыночные стимулы сами сделают своё дело благодаря «невидимой руке» рынка.

Сегодня Запад переживает кризис, но вовсе не такой, каким его представляют некоторые, в том числе представители технократической бюрократии. Проблема заключается не в «крайне правых», не в популизме и не в политической поляризации. Глубинная причина кризиса носит структурный характер: власть настолько рассредоточена и раздроблена, что проведение сколько-нибудь значимых реформ стало практически невозможным.

Это было очевидно ещё в те времена, когда Евросоюз насчитывал всего 12 государств-членов. На состоявшемся на прошлой неделе в Дублине саммите Европейского политического сообщества (ЕПС) присутствовали более 50 делегаций, объединявших около 500 участников. Очевидно, что подобная система не способна эффективно функционировать. Каждое государство-член обладает определённым влиянием, однако ни один из национальных лидеров не в состоянии обеспечить единое и последовательное руководство Евросоюзом в целом.

Протесты, массовые беспорядки и разрушение социальной ткани европейского общества отражают кризис интеллектуальной парадигмы глобального либерализма. Иллюзии, лежащие в основе этой парадигмы, в сочетании с присущей ей олигархической и авторитарной системой управления лишь подчёркивают отсутствие у этого проекта прочного идейного фундамента. Поддержка Брюсселя превратилась скорее в идеологический культ, чем в осмысленный политический проект.

Как на всё это реагирует Брюссель? Никак. Европейская технократия по-прежнему очарована Америкой времён Обамы — страной «мягкой силы», политики идентичности и космополитического неолиберального капитализма.

Есть ли у руководства Евросоюза какие-либо решения по украинскому вопросу? Нет.

Есть ли у него какая-либо внятная стратегия дальнейших действий в отношении Украины? Нет.

Переосмыслило ли оно свои будущие отношения с США? Нет.

Есть ли у него ответ на кризис интеллектуальной парадигмы глобального либерализма? Нет.

Может ли Евросоюз сохраниться в своём нынешнем виде? Нет.

Социальные и политические волнения, а также тяготы предстоящих мер жесткой экономии неизбежно вынудят Евросоюз меняться.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Лавров, Сергей Украина ЕС